

В минувшем году члену редколлегии журнала «Подъём», санкт-петербургскому поэту Владимиру Шемшученко исполнилось 60 лет. Это возраст, относительно которого Александр Межиров с иронией заметил «до тридцати поэтом быть почетно и срам кромешный — после тридцати», а Варлам Шаламов возразил, что «поэзия — дело седых, не мальчиков, а мужчин». Не опровергая ни первое, ни второе утверждение, смею сказать свое: «У поэта возраста нет».

1

В конце февраля 2003 года мне предстояло поехать в Москву на отчетно-выборное собрание Литературного фонда России. Правда, ехать не очень-то хотелось: зима — не лучшее время для пребывания в писательском Доме творчества в Переделкино, где проходило собрание. И все-таки я решился на поездку, не подозревая, что она подарит мне встречу с поэтом Владимиром Шемшученко, с которым у меня завяжутся приятельские отношения, постепенно переросшие в дружбу.

С Володей меня познакомила Вера Галактионова, некогда руководившая межобластным семинаром молодых литераторов, проходившем на Белгородчине. Сейчас она москвичка, известный прозаик, лауреат многих премий,

постоянный автор журнала «Наш современник». В 90-х годах была вынуждена уехать из Казахстана, ставшего к тому времени ближним зарубежьем. Володя тоже родился и жил в Караганде, об этом городе он написал одноименное стихотворение с такими заключительными строками:

В этом городе улицы в храм не приводят.
Да и храмов самих в этом городе нет.

При знакомстве мы обменялись книгами, и вечером при свете настольной лампы в теплой комнате Дома творчества, под завывание февральской пурги за окном я читал его сборники «Родиной пахнет ковыль...», «Передозировка», «По черному — красным», открывая для себя поэта и человека родственного, как мне почувствовалось, по духу, по творческому и жизненному поведению.

В его стихах — те самые «почва и судьба», которые делают стихи частью жизни, явлением естественным и закономерным, а не красивыми, звонкими, словесными игрушками. К примеру, стихотворение «Церковь»:

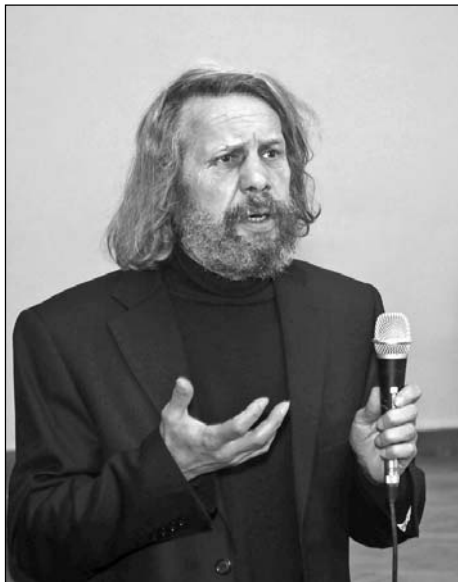
Засиженная вороньем,
Насквозь продутая ветрами,
О нашем, а не о своем
Скорбит глухими вечерами.
Вне времени и суеты,
Не исчерпав великой силы,
Молитвенно сложив персты,
Зывает к совести России.

Вот как поэт, не выказывая, как он-де любит Россию и болеет за прошлое, нынешнее и будущее страны, говорит об этом посредством поэтического материала, и эффект от прочитанного гораздо сильнее, чем клятвенные биения в грудь, чем надрывные страдальческие вопли и обличающие речи.

Летом того же года раздался телефонный звонок из Санкт-Петербурга. Володя сообщил, что прочитал мой сборник «Крестный путь» и напечатает подборку в ближайшем номере журнала «Всерусский собор». Вскоре я получил экземпляр этого издания и был несколько удивлен отбору. В публикацию вошли в основном стихотворения, которые были дороги мне, но которыми не заинтересовались другие журналы. Это опять-таки говорило о том, насколько близки наши литературные вкусы.

Кстати, о «Всерусском соборе». Это — детище Шемшученко. Приехав в Санкт-Петербург, он понял, что вжиться, втиснуться в литературную жизнь северной столицы не так-то просто, что нужно иметь свое издание, объединяющее единомышленников. Собрал таких же подвижников русского слова, как сам, нашел спонсоров, и в 2002 году выпустил первый номер журнала, выход которого приветствовал Валентин Распутин. Он же вошел в редакционный совет, а еще — писатели Станислав Куняев, Владимир Крупин, Виктор Лихоносков, актер Николай Бурляев, другие известные литераторы, общественные деятели, — те, кто не на словах, а на деле радеют о России. И я не без душевного трепета воспринял появление в редакционном совете своей фамилии — это ответственно и значимо для меня.

Володя несколько раз приезжал в Белгород — на литературно-патриотические чтения «Прохоровское поле», на презентацию «Всерусского собора», на Славянский экономический форум и каждый раз увозил с собой стихи и прозу белгородских авторов. В журнале публиковались краеведческие материалы Александра Крупенкова и Анатолия Кряженкова, поэзия Владимира Молчанова, Михаила Кулижникова, Павла Савина, Жанны Бондаренко и других наших земляков, и как результат такого сотрудничества библиотеки Белгородчины стали получать «Всерусский собор».

Владимир Шемшученко

В свою очередь я не раз гостил у Володи в приветливом доме в пригороде Санкт-Петербурга — Всеволожске, где меня по-доброму встречали его мама Лариса Владимировна, жена Марина, сын Иван и дочь Полина, а еще добродушная собака Чапа с пронзительно внимательными и печальными глазами. Задушевные беседы у камина мне очень дороги, я их буду помнить всегда.

2

Может ли книга, изданная тиражом пятьсот экземпляров, стать заметным событием в литературной жизни? В нынешнее время, когда литература все больше становится как бы безымянной (то есть имен-то великое множество, но мало кто из читателей их знает), когда тьма книг, выходящих на просторах страны, тут же после издания преспокойненько, как говорится, уходит в Лету, о

новом сборнике Владимира Шемшученко «...И рука превратится в крыло» (2009 г.) говорят, пишут, спорят, высказывая порой самые противоположные мнения.

Одна из причин такого пристального внимания к поэту в том, что многие его стихи еще до выхода сборника печатались в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Наш современник», «Нева», «Бельские просторы», «Подъём», «Южная звезда» и других. Малотиражность сборника еще более подогревает к нему интерес. И находят читатели адрес поэта, и приходят ему письма с таким содержанием: «Прошу за любые деньги прислать мне вашу книгу...»

Несмотря на неприязнь к определениям типа «современность» и «актуальность» в отношении поэзии (пушкинское «Я помню чудное мгновенье...», по-моему, во все времена современно и актуально), считаю, что стихи Шемшученко как раз такие. О родной стране, о России, о нынешних непростых временах поэт говорит так, как о родной матери — с болью и любовью, не идиллически, а скорее здраво и ответственно. Цитирую строки из цикла «Родине»:

Скольких, ответь, еще водишь по краю,
По-матерински ревниво любя.
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.
Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

Возможно, кому-то эти слова покажутся слишком резкими и даже осуждающими (мол, так о Родине — ну уж слишком!), но в другом стихотворении поэт доказывает, что любовь имеет право быть и такой. И он пишущий «красным по черному»:

Предъявляю права законные
На бесплатный писательский труд.
Подо мною — земли исконные,
Надо мною — праведный суд.
Сыт по горло бездарными враками
О кончине великой страны.
Затравите меня собаками
И не будете мне должны!

В предисловии к книге Владимира Шемшученко «Неподсуден» (2007 г.) поэт Глеб Горбовский так сказал о коллеге: «У меня нет сомнений, что он истинный русский поэт. Его русскость бьет через край, его стихи напоминают мне ограненные алмазы, в которых не испорчена ни одна грань... Мне иногда страшно за него — я не знаю, сколько он сможет писать на таком надрыве, выдержит ли его сердце боль, которую он пропускает через себя». В подтверждение приводится такое стихотворение:

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.
Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Предельная сжатость и одновременно простор для мыслей и чувств характеризуют прочитанные строки. Это тот самый айсберг, где слова — только видимая часть, а невидимая, но подразумеваемая — вся наша жизнь с ее болями, печалью, радостями, сложностями, парадоксами и прочим, — всем тем, что человеку приходится испытать на земном пути.

3

Заключительные строки многих стихотворений Владимира Шемшученко схожи с афоризмами по точности попадания. К примеру, «Имперский дух неистребим в народе. / Империя не может умереть», «Жизни на всех не хватает, / Смерти хватает на всех», «Кольцевая дорога / Никуда не ведет», — перечень можно продолжить. Концовки запоминаются после первого же прочтения.

Как происходит «огранка» поэтических «алмазов» — загадка не только для читателей, но, думаю, зачастую и для самого поэта. Автор одной из статей писал, что он не раз пытался разобраться в «кухне» Владимира Шемшученко. Вроде бы ясно, какими литературными средствами он «работает», и в тоже время непонятно, как, откуда приходят такие точные, единственно уместные слова. Не иначе, как говорится, они напечатаны свыше.

О том, как долго и упорно поэт ищет нужное слово, можно судить хотя бы по стихотворению «Слышащий — да услышит...» В сборнике «...И рука превратится в крыло» последнее четверостишие читается так:

Пуля — она не дура,
А провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

Но до этого вместо «диктатура» печаталось «самоцензура». Поэта этот вариант, видимо, не устраивал, и он нашел более верное — диктатура русского языка.

Да, шемшученковская «добыча» словесного «радия», действительно, напоминает каторжный труд, который для него, в то же время, говоря словами другого поэта, «сродни любви и сытнее хлеба».

Каждое стихотворение поэта — авторская позиция. Позиция честная, твердая, понятная.

Золотые слова растащило по норам ворье,
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком и в души несем не свое,
На сегодняшний день обменяв православную вечность.

Разрастается зло, выползает из темных щелей,
Погремушками слов азиаты гремят на рассвете...
Встань за Родину, друг мой! Молись и себя не жалей —
От безбожных отцов не рождаются русские дети.

.....

Я не плегу сонеты
И не хожу в строю.
Заплечных дел поэты
Меня не признают.
А я все хмурю брови
И лезу напролом.
Поэзия без крови
Зовется ремеслом.

Определил Владимир Шемшученко и свое место в нынешней жизни, в сегодняшней российской словесности:

Моя вера светла и легка.
Отрекаюсь от пошлых мистерий.
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

4

Да, его стихи современны — по тематике, языку, интонации, и в то же время они продолжают традиции русской классической поэзии. Он взял в учителя Пушкина, Тютчева, Некрасова, Блока, Есенина, а из современников, как мне видится, — Юрия Кузнецова. Это сознательное продолжение того пути, по которому шел Кузнецов. И конечно, совсем не случайно в одном из его стихотворений появляется этот поэт:

О, как прав был строптивый поэт —
Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
Говоря мне: «На памяти пишешь...»
(или был он с похмелья не прав?)
Хоть до крови губу закуси —
никуда от себя не ускачешь,
Если разум твой крепко настоян
на взыскующей памяти трав.

Читая стихи Володи, я вспомнил разговор с поэтом-фронтовиком Федором Суховым. Он приезжал в Белгород в начале 80-х годов прошлого века. Тогда в руках Федора Григорьевича я увидел небольшой сборник избранных стихотворений Ивана Бунина, изданный «Молодой гвардией». На слуху же были совсем иные поэты, поэтому я спросил у Сухова: «Почему Бунин?» На что тот ответил примерно так: «Чтобы накрутить что-нибудь авангардистское — ума много не надо. А вот на основе традиционного русского стиха создать свое — задача посложней».

Ту же цель, по моему мнению, ставит в творчестве и Владимир Шемшученко. Его книги и публикации в журналах не остаются без внимания, вызывая одобрение, восхищение, а порой и неприязнь со стороны собратьев-литераторов. Ему не шибко-то сладко живется-бытуется в Санкт-петербургской литературной среде, где по гению на каждый квадратный километр, да и Москва воспринимает его по-разному, но жизненная закалка, которую поэт получил, позволяет выстоять. Ибо:

Жил в полярных широтах, где лыком не шит
Каждый первый, кто ставит вопрос...

И узнал, что назойливый гнус не звенит,
А глаза выедает до слез.

Я бы мог там безбедно прожить много лет,
У чужого пригревшись огня,
Научившись закат принимать за рассвет,
И никто не стрелял бы в меня...

В 2014 году вышел новый сборник Владимира Шемшученко «Слышащий — да услышит». Кроме уже известных стихотворений в книгу вошло немало новых. Поэт по-прежнему верен главной теме — посредством слова рассказать о сегодняшнем времени, пропуская его через свое Я. Приведу полностью одно из самых пронзительных, по-моему, стихотворений, названное «Петербург»:

На озябшем перроне и пусто сегодня, и гулко.
Милицейский наряд прошагал, безучастный, как снег.
Точно так же глядел на меня, выходя на прогулку,
Насосавшийся крови, двадцатый, сдыхающий век.

Ах ты, память моя! Я прощаю, а ты не прощаешь!
Отпусти же меня, помоги мне обиду забыть.
Ничего не даешь ты взамен, даже не обещаешь,
Кроме ветхозаветного — быть!

Ну и выпал денек, с ветерком, до костей пробирает,
Гололедец такой, ну совсем как у Данте в аду...
Я всем мозгом спинным понимаю — меня забывает
Полусонный вагон, убывающий в Караганду.

Он забудет меня, одиноко ржавея на свалке,
Как забыли меня все, кому я тепло раздарил...
Здесь, в несломленном городе,

люди блокадной закалки

Отогрели меня, когда жить уже не было сил.

Смейтесь, братья мои!

Нам ли нынче стенать и сутулиться?

Смейтесь, сестры мои! Вы затмили достойнейших жен!

Посмотрите в окно — кто метет и скребет наши улицы?

Это дети оравших до времени: «Русские, вон!»

Пожалуй, наиболее точно охарактеризовал это стихотворение и в целом творчество Владимира Шемшученко Н.Н. Скатов, доктор филологических наук, член-корреспондент, советник Российской академии наук, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН: «Живая душа. Сострадающее сердце. Острота мысли. Хороший русский язык. Потрясающая образность и метафоричность. Мастерская техника стихосложения. Свободное дыхание стиха. Четко заявленная позиция человека и гражданина».

В этой характеристике, как говорится, ничего нельзя убавить, а вот прибавить к ней можно еще очень-очень многое.